

ДЖОН ШЕМЯКИН

ДЖОН ШЕМЯКИН
ДИКАЯ ИСТОРИЯ
ДИКОГО БАРИНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш46

Разработка макета — *Ирина Гришина*
Дизайн обложки — *Василий Половцев*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Шемякин, Джон Александрович.

Ш46 Дикая история дикого барина / Джон Шемякин. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с.

ISBN 978-5-17-101414-8

«Вот читаешь, к примеру, какие-то тексты. И видишь, что у одного автора мысли в тексте бредут, как колонны военнопленных по сгоревшей столице империи.

У другого же текст как заседание трибунала где-то под Падуей, в году, скажем, 1567. Все очень дисциплинированно, но с огоньком таким.

У третьего — ежата бегут за зайчатами.

У четвертого мысль одна, но он ее так гоняет шваброй по подвалу, что за облезлой и не уследишь.

Пятый химичит, смешивает то одно, то другое, и зеленый ассистент волочит по кафелю за ноги предыдущего дегустатора.

Шестой дрессирует визжащие соображения в клетке.

Седьмой ведет в ночи протокол допроса целого табора цыган, подпевая у пестрых кибиток наиболее удачным формулировкам.

У кого как, короче говоря.

А у меня шапито на пустынном берегу, я дубасю в барабан, не очень тактично прижимая к поясу свободной рукой чумазую мальвину, холодный песчаный ветер с холмов рвет ленты и шарики».

Джон Шемякин

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101414-8

© Д. Шемякин, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ДИКАЯ
ИСТОРИЯ

.....

НОВОСТИ ДНЯ

Например, на вопрос о том, какими должны быть газеты в меняющемся мире, исповедался, стуча по столу финкой меж пальцев, так.

Когда русские в 1913 году решили издавать газету в Монголии, то в первом номере первой монгольской газеты сообщили потрясённой монгольской общественности о шарообразности Земли и о наличии сторон света.

В разделе «Новости дня».

На фоне этих откровений сообщение о фактической аннексии Российской империей Монголии казалось совершенно рядовым, даже каким-то заурядным.

ВОЗМОЖНОСТИ

Мне всегда нравились истории про возможности. Хотя воспитывали меня в суровой этике абсолютной предопределённости неизбежного наказания. Как я, будучи сущим малюткой, ни юлил, как ни хитрил, как ни посыпал следы махоркой и перцем, всякий раз меня ловили и подвергали болезненному воздаянию. Уже, казалось бы, всё! Укрылся после совершенного злодея-

ния, запутал и заморочил погоню, ан нет — выволакивают за неокрепший, но уже облезлый хвост из норы и снова, держа за шкуру, вразумляют.

У бога Педагогия я числился в чёрных штрафниках и первых отступниках. Именно я во главе легиона непослушных и злобных мальчиков и девочек должен был дать последний бой добрым силам учительского света, именно я должен был сразить десять тысяч педагогических праведников в боевых вязаных кофтах и снести голову с плечей наёмным Песталоцци и Каменскому, пригвоздить к колеснице Ушинского и пороховницей выбить из седла куренного атамана Макаренку.

Кстати, уверен, что так всё и будет. Я вам такого Питера Пена выдам — мёртвые будут завидовать консервам!

Как и любой злодей, я люблю читать про всякие возможности. Про то, что чуть-чуть не дотянуло до события, вехи или переломного момента. Всякий раз переживаю: ну? давай, милый, давай! Ещё чуть-чуть, и наступит всем крошечный ужас, гражданская война и реки без берегов, наддай, хороший!

И, в сотый раз убедившись, что даже при сотом прочтении ничего не поменялось в окружающем меня мире, понятно, расстраиваешься.

Ну как не огорчиться, читая в «Записках» графа Корфа про полковника Богданова?

Жил себе вполне полковник Богданов, который числился по министерству путей сообщения под чутким руководством известного всем Клейнмихеля. Сам Клейнмихель ещё со времени своей службы при особе Аракчеева скучать не любил и другим не давал. По молодости вместе с Аракчевым хоронили графскую сожительницу Минкину, потом выкапывали ее, клали ей в гроб ценности, закапывали, потом снова выкапывали, срывали с неверной ценности и снова закапы-

вали. Дельным был Клейнмихель ассистентом по семейным делам.

В зрелые годы Клейнмихель под руку с царём Голодом строил железную дорогу, по которой потом ездил измождённый поэт Некрасов и рассказывал, тряся бородой, мальчику и его милому папаше особенности подрядного строительства. А в промежутках между гробами и шпалами Клейнмихель мучил полковника Богданова. И ладно бы физически его истязал! Нет, окаянный граф Клейнмихель цинично и грязно воровал на глазах у честного и чистого Богданова денежные средства в особо крупных размерах.

От наблюдения за хищениями начальства, от ужаса, что такие деньги просто пролетают мимо, Богданов «последовательно потерял рассудок от несправедливостей...».

И вот в апреле 1843 года полковник Богданов пришел к министру внутренних дел Перовскому. Тогда это было ещё возможно — зайти к министру внутренних дел, сверить маршруты, уточнить методы. При себе, кроме безумия, Баранов принёс два пистолета и кинжал. Любой из нас на месте Богданова немедленно открыл бы огонь на поражение по министру, но Баранов решил приберечь министра на крайний случай и произнёс речь, которую после пересказывал всем «поседевший и часто смеющийся» Перовский.

«Ваше превосходительство преследуете и истребляете мелких мошенников, а между тем терпите безнаказанно главных государственных воров, как-то: Клейнмихеля и тому подобных. Я пришел предложить вам услуги и содействие против них, и вот оружие, которым намереваюсь действовать; примите меня только поскорее под ваше начальство».

Вот такая речь, сопровождаемая показом пистолетов и кинжала. Министр Перовский, не сводя глаз с двух пистолетных дул, зачарованно внимал клевете на своих

лучших друзей. А потом проявил министерскую хитрость. Говорит, я всё понял, мигом несись к своему бывшему начальству, считай, что ты уже принят, возьми с собой записку от меня, и до встречи в горниле борьбы с коррупцией! Да, и пистолетики оставь, ты ими себя выдаешь, коррупционеры попрячутся, ищи их потом!

Полковник согласился и с запиской кинулся к бывшему начальству. Но по дороге записку решил прочесть. Открывает её, а там просто чистый лист бумаги!

Вот опять, что бы мы сделали на его месте? Написали бы в Твиттер. А Богданов отправился в первый же унтер-офицерский караул, потребовал там, именем государя, часового с ружьём и кинулся, сверкая эполетами, обратно к лукавому министру внутренних дел.

Министр внутренних дел Перовский от полковника Богданова заперся в кабинете на ключ. Баранов, в свою очередь, запер на ключ дежурного адъютанта и поставил прихваченного с собой часового с ружьем у дверей, за которыми томился министр. Часовому полковник дал команду стрелять на поражение по всякому, кто попробует войти или выйти из кабинета. Иными словами, самое главное министерство империи, оплот самодержавной власти, орган кошмарного устрашения миллионов подданных, было захвачено двумя людьми — честным психопатом и обалдевшим от происходящего унтер-офицером с ружьём.

Кстати сказать, министр из своего кабинета не высывался, шурушал там чем-то тихонько, пока Богданов осуществлял свой план. А план у Богданова был: полковник «...побежал в Зимний дворец и по дороге мимо Энгельгардтова дома, перед которым, по случаю концерта в нем, находилась полиция, забрал — опять именем государя — четырёх жандармов и в сопровождении их явился на главную гауптвахту, требуя немедленного допуска к государю».

До совершения государственного переворота с помощью четырёх жандармов оставались считанные часы: министерство внутренних дел захвачено, дело за малым. В этом месте я обычно и кричу Богданову: давай, хороший, наддай, ещё чуть-чуть!.. Что там ещё раненому Чапаеву в кино дети кричали?!

Но дальше Богданова ждали неудачи. На главной гауптвахте, которую Богданов тоже захватил, с ним начали «долгие переговоры» с участием обер-полицмейстера и коменданта (министр из запертого в своём же министерстве кабинета носа не казал). Тут бы Богданову захватить заложников и начать их убивать, но времена тогда были дикие, люди друг другу ещё как-то доверяли на слово. В ходе переговоров на Богданова навалились комендант и обер-полицмейстер, и империя была спасена.

Потом все гурьбой кинулись спасать министра. Богданова отвезли в больницу. А храбрый обер-полицмейстер Александр Александрович Кавелин, воспитывавший в своё время на пару с Жуковским будущего Александра II, сойдёт с ума немного позже. Как писал князь Вяземский к Жуковскому: «Знаешь ли ты, что твой приятель Кавелин немного рехнулся и наконец уволен от должности... он месяца два колобродил, сажая встречного и поперечного на съезжую в исправительный дом, ругался, придирался ко всем и всё-таки управлял городом. Россия — баба-здоровяк. Ничем не проймёшь её, ни Наполеоном, ни Кавелиным, стоит себе, крестится и не унывает. Нежно обнимаю тебя».

ПОСОЛЬСТВА

Одной из задач молодой Санкт-Петербургской полиции в XVIII веке было сбережение города на Неве от иностранных посольств.

Джон Шемякин

Город был молодой, неокрепший, а посольств было много. В каждом иностранном посольстве творились какие-то несусветные причуды. Не то чтобы при пересечении государственной границы посольства массово сходили с ума от впечатлений, предоставляемых нашей Родиной. Но какие-то подвижки в сознании происходили.

Шведы завели себе в посольстве медведей, которых стали ещё и разводить.

Австрийцы принялись подделывать «ефимки с признаками», завладев старым штампом для перечеканки.

Французы крали коней.

В 1736 году сотрудники персидского посольства, располагавшегося на Мойке у Зелёного (Народного) моста, сели покурить.

«...Через полчаса дом пылал. Пламя распространилось с чрезвычайной быстротой и вскоре охватило многие деревянные здания на берегу Мойки и Гостиный двор (это на Невском уже). Пожар продолжался восемь часов и истребил все здания от Зелёного моста до церкви Вознесения».

Всего сгорело тогда 10% деревянного Санкт-Петербурга. Многие погорельцы стали искать эвакуировавшееся персидское посольство, которое спрятали в монастыре. Невский монастырь пришлось потом заново святить. По результатам пожара в городе будущих трёх революций впервые ввели государственное нормирование продажи продовольствия: 16 видов товаров народного потребления — от мёда до гречи.

Не успели пережить иранскую народную дипломатию, как 6 июня 1737 года на крыше дома, стоявшего между дворцом цесаревны Елизаветы Петровны и помещением, занимаемым посольством Пруссии, нашли мину в виде горшка, набитую порохом и горючими ма-

териалами. К горшку прилагался запал. Это уже не просто поджог, тут теракт форменный намечался.

Полиция и Тайная канцелярия стали петрушить подозреваемых. Только вышли на сотрудника посольства короля Пруссии по фамилии Ранке, только стали думать, как бы его скрасть для беседы, как 24 июля окрестности посольства Пруссии полыхнули с двух концов. Было это в районе Миллионной. Горело до Мойки, до Невы, до Царицына луга и до Адмиралтейства. Дипломат Ранке исчез. Его потом во Франции за шпионаж повесят.

Глядя на французов с конями, австрийцев со штепселем, персов-поджигателей и террористов-немцев, другие посольства не отставали. Англичане не отставали больше всех. Они повадились стрелять из окон посольства. Не очень целясь по прохожим, но регулярно.

Глядя на англичан, постреливать в домах стали и коренные петербуржцы, дети псковских и новгородских переселенцев.

Под перекрёстным огнём из английского посольства и обывательских домов полиция ловкими скачками бегала по городу за конокрадами из французского посольства, следя искоса за притихшим посольством Пруссии. Персидское посольство из монастыря давно попросили, и оно расположилось шатрами у Летнего сада, там было легче прокормить посольских верблюдов, обросших в России дополнительной шерстью.

У петербуржцев стали изымать огнестрельное оружие. Опубликовали объявление: «Чтобы впредь никто, кроме иностранных послов, посланников и прочих министров, в домах своих ни из какого ружья, как по обязанности, так и для забав, не смел стрелять». Посольствам стрелять из окон не запретили — неудобно. Но установили перед посольствами первый в истории ди-

пломатии «явный полицейский караул», который гонял жителей столицы от посольств.

Не успели перевести дух, подало о себе весть посольство Польши: разбили огороды перед резиденцией графа Грабиенки. Голландское посольство завезло коров. Всё это в двух шагах от императорской резиденции.

Полиция ловила по городу россиян, пробравшихся в столицу без паспортов «для следования в столицу». Изловленных «убогих, слепых, дряхлых и увечных, купно и с прочими чудаками и к художествам склонным» бросили на объект века: осушение болот от Лиговского канала до Невского монастыря для организации общегородских огородов и выпасов. Известный потомственный мелиоратор, фельдмаршал и покоритель Крыма Миних Бурхард Христофорович оставил по себе расчёты огородного парадиза.

Чтобы посольские не орали, в образовавшийся огородный рай стали свозить навоз из всех возможных мест. Чтобы с огородов не воровали, завезли туда и людей для жительства. Завезённые жители Лиговки встретились со строителями лиговского чуда (убогими, слепыми, увечными и художественными чудаками), которые за ненадобностью совсем уж заскучали. Встреча вышла непростой.

Рядом с огородами построили полицейскую караульню. Понаблюдав за развитием событий, полиция к караульне пристроила и небольшую тюрьму, ставшую на долгое время центром лиговской культурной жизни и наложившей некоторый отпечаток на облик лиговского жителя. После к тюремке пристроили мертвецкую. И всё это из-за каких-то поляков с голландцами. Целый район выстроили, ландшафт вручную изменили, повернули вспять течение каналов.

Испанцы из окон своего посольства спекулировали мартышками. Всё бы ничего, но ожесточённая мартышечная торговля и прочие эффекты от процесса мартышечного размножения и взросления происходили напротив резиденции петербургского архипастыря Иеринея. Мартышки часто убегали из своего испанского концлагеря и искали убежища у православных. Полиция ловила мартышек. Мартышки скакали по подворью между богомольцами, выбрав свободу. Богомольцы разносили по всей Руси доподлинные сведения о том, что видели в Санкт-Петербурге живых чертей. За это богомольцев Тайная канцелярия крутила и отправляла на восток.

Посольство Ганновера вербовало среди неустойчивых питерцев рекрутов для продажи в Англию и последующей отправки в восставшие американские колонии. Вербовка происходила по кабакам, рекруты приходили в себя уже на кораблях по пути в Гамбург.

Полиция ввела запрет на совместное распитие спиртных напитков подданных империи и иностранцев. Пить с иностранцами могли только те, у кого на изнанке кафтана стояла специальная печать обер-полицейстера, так называемое «доброе клеймо». Это помогло не очень.

Ганноверцы сбивали с пути и проверенных бойцов невидимого фронта. Однажды на корабле в Гамбург очнулись агенты сыска Михайло Шишлаков, Игнатий Толкачёв и Михайло Мальцев, о котором в именном списке петербургской полиции говорилось «грамоте и по латыни знает, токмо шумен, вор и пьяница».

Шишлаков сбежал уже в Гамбурге, потом пробыл год с лишним к своим. Толкачёв отправился служить на острова Карибского моря, потом дезертировал к испанцам, и следы его теряются на Кубе. А Мальцев организовал в Лондоне контору по проведению собачьих боёв,